

Можно сказать, что публицистические моменты «Дневника» как бы «вдвинуты» в его художественную структуру и сами являются частью последней.¹⁹ Даже будучи лишены в ряде случаев самостоятельного художественного значения, они находят свое место в общем художественном контексте, обнимаются общей художественной идеей и в конечном счете «работают» на нее.

При этом передача информации в «Дневнике» осуществляется как художественная расшифровка. Такая расшифровка есть не упрощение, а усложнение.²⁰

Поэтика «Дневника» еще ждет своего исследования. Но, по видимому, в предварительном порядке можно утверждать, что мы имеем дело с литературным феноменом, художественная и жанровая природа которого такова, что идеологическая система не может рассматриваться здесь в качестве абсолютной и завершенной данности — без «поправки» на поэтику самого текста.

Более того: подобная «поправка» зачастую решает дело.

Текст «Дневника писателя» рассчитан на целостное переживание. Не «сумма идеологии», а единое художественное целое определяет в конечном счете и главные идеологические акценты этого моножурнала.

Таким образом, дневниковая «публицистика» Достоевского включает в себе целый ряд качественных значений, как бы выходящих ее за рамки того жанра, к которому она может быть отнесена формально. Текст «Дневника» представляет организованную по собственным законам полифункциональную структуру, с реальностью которой не может не считаться ни один исследователь — будь то философ, литературовед или историк общественной мысли.

¹⁹ Крайне непродуктивны поэтому попытки прямолинейно оценочных характеристик тех или иных положений «Дневника». Идеология последнего не существует в чистом виде. Цели «Дневника», извлеченные из его собственной художественной стихии и вынесенные вовне, — уже не есть его цели.

²⁰ Исследователь «Дневника» должен учитывать не только текст, как таковой, но смысловые обрывы, пропуски, пробелы — своего рода лакуны, которые, представляя собой «пустоты» внутри текста, отнюдь не являются таковыми в художественной структуре. «Это отсутствие материи в структурном положении, подразумевающим ее присутствие» (Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста. Л., 1972, с. 31—32). Анализ таких «пустот» порою не менее важен, чем апелляция к самому тексту.

Г. Я. ГАЛАГАН

«ОДНО ЛИЦО» И ЕГО «ПОЛПИСЬМА»

В редакторском предисловии к «полписью одного лица» одноименной главы «Дневника писателя» за 1873 г. Достоевский неоднократно подчеркивает «неличный» характер конкретно-полемических мотивов собственной антикритики. Публикуемые «полписья» настойчивого автора, уже знакомого читателю по главе «Бобок», противопоставляются Достоевским многочисленным «заметкам» «одного лица», написанным в защиту автора «Бесов» и отвергнутым редакцией. Одновременно в предисловии частично объясняются и причины нежелания дать обстоятельный ответ критикам, устроившим «литературную травлю» писателя после выхода романа.

В черновом автографе главы «Полписья „одного лица“» упоминаются два автора, писавшие о «Бесах», — В. П. Буренин и Н. К. Михайловский.¹ К этим же авторам Достоевский возвращается и в «Двух заметках редактора», где выделяет их отзывы (особенно Михайловского) из всей массы «летучей» критики, предавшей забвению понятие «искренность». Говоря о Михайловском, Достоевский замечает: «... я всею душою убежден, что это один из самых искренних публицистов, какие только могут быть в Петербурге <...> Не мое совсем дело, но я никак не понимаю вражды к нему почтенного г-на Z (т. е. В. П. Буренина, — Г. Г.) из „С.-Петербургских ведомостей“, столь упорной и безостановочной. Много раз и искренно сожалел о сем обстоятельстве. Уверен, что оба эти деятеля могли бы совершенно сойтись, если бы не так враждовали друг с другом» (XIII, 449). Возможность такой уверенности порождалась убежденностью Достоевского в необходимости объединения интеллигенции с целью помочь народу «найти себя».² Эта мысль впервые обосновывается писателем в главе

¹ См.: Лит. наследство, т. 83. М., 1974, с. 328.

² О колебаниях в «системе» почвенничества Достоевского середины 70-х годов см.: Семенов Е. И. Об идейно-эстетических противоречиях романа Ф. М. Достоевского «Подрасток». — Русская литература, 1968, № 2, с. 45—60.

«Мечты и грезы» («Дневник писателя» за 1873 г.) и развивается впоследствии в подготовительных материалах к роману «Под-росток» (см. 17, 258—261).

«Вражда» Буренина и Михайловского, а шире — либерального и демократического лагерей, с одной стороны, и общее состояние русской литературной критики в период «всеобщего разложения» — с другой, и становятся темами, определяющими и смысл, и жанр, и стилистическое своеобразие главы «Полписьма „одного лица“».

«Воображаемый фельетонист», к которому обращена глава, — лицо собирательное. Однако конкретные реалии текста «полписьма» позволяют обнаружить как главного адресата, так и пародируемого автора — В. П. Буренина. Объект пародии — топ и полемические приемы фельетонов Буренина, направленных против Михайловского и затрагивавших попутно Г. З. Елисеева, Н. А. Демерта, М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Трем выступлениям Михайловского³ «С.-Петербургские ведомости» посвятили две редакционные статьи и восемь фельетонов Буренина.⁴ С этой полемикой связан, по-видимому, и эпистолярный жанр части главы — «полписьма». Во всяком случае существенно следующее замечание в одной из статей Михайловского, адресованное Буренину: «Мне даже так понравилось беседовать с вами, что я думаю на будущее время избрать для своих обозрений *эпистолярную форму писем* к вам».⁵

Автор «полписьма» — герой-двойник Достоевского — имеет два псевдонима. Первый из них — «Одно лицо», дан ему редактором. Вторым — «Молчаливый наблюдатель» — выбран самим автором «полписьма». Конкретный общественно-литературный фон, на котором развивалась полемика Буренина—Михайловского, позволяет вскрыть истоки обоих псевдонимов.

В кульминационный момент полемики состоялся судебный процесс над сотрудниками «С.-Петербургских ведомостей» и «Вестника Европы».⁶ Поводом явилась дуэль между Е. И. Утиным и А. Ф. Жоховым в мае 1872 г., в результате которой Жохов от тяжелого ранения скончался. Причиной дуэли послужили необоснованные слухи (источником их был Е. Утин) о неэтичном поведении Жохова в деле Гончарова, судившегося за распространение прокламаций. Процесс, к которому были привлечены М. М. Стасюлевич, А. Н. Пыпин, А. С. Суворин, К. А. Скальковский, Е. К. Ватсон, Е. В. Роберти и другие, широко обсуждался в петербургской и московской периодической печати. «Отечест-

³ См.: Отечественные записки, 1872, №№ 5—7.

⁴ См.: С.-Петербургские ведомости, 1872, 21 и 27 мая, 24 июня и 29 июля, 2 и 30 сентября, 28 октября, 25 ноября, 2 и 30 декабря, № 138, 144, 170, 205, 240, 268, 296, 324, 331, 357.

⁵ См.: Отечественные записки, 1872, № 7, отд. II, с. 179 (курсив мой, — Г. Г.).

⁶ См.: С.-Петербургские ведомости, 1872, 17—19 августа, №№ 224—226.

венные записки» посвятили ему обширную статью Н. А. Демерта, под симптоматичным заглавием «Наша современная литература и общество».⁷

Одним из привлеченных к следствию был секундант Утина — В. П. Буренин. В материалах процесса фигурировало письмо погибшего к брату. В нем А. Ф. Жохов писал: «*Одному лицу* Утин говорил, что знает компрометирующие меня факты (оказалось, что это был Буренин)».⁸ Слова «одно лицо», выделенные курсивом, употребляются вместо имени одного из членов «литературно-либерального» кружка и в указанной статье Демерта.

В рассуждениях автора «Записок о могилках» отчетливо прослеживается мотив, восходящий к фельетонам Буренина, направленным против Михайловского. Это дает еще большее основание полагать, что фраза из письма Жохова, в которой Буренин называется «одним лицом», остановила на себе внимание Достоевского.

Процесс над сотрудниками «С.-Петербургских ведомостей» и «Вестника Европы» в статье Демерта рассматривался как «сплошь нравов и состояния ума — если не всего современного русского общества, то, по крайней мере, некоторой его части».⁹ Главный объект иронии Демерта — характеристика «подсудимого» кружка, данная защитником В. Д. Спасовичем, отметившим, что в кружке все «зорко наблюдают за поступками друг друга <...> строго следят друг за другом, потому что от этой именно строгости зависит порядочность <...> кружка».¹⁰ Это «наблюдение» членов кружка друг за другом с целью сохранения его «внешней порядочности» рассматривается в статье Демерта как симптом внутреннего неблагополучия. Независимо от трактовки темы «наблюдения» Демертом, сам факт обращения к ней адвоката Спасовича дает возможность предположить, что из переосмысления слов последнего у Достоевского родился пародийный псевдоним — «Молчаливый наблюдатель».

Определение «молчаливый» связано, возможно, со следующим эпизодом полемики Буренина—Михайловского. Уже в первом фельетоне Буренин писал: «Дело выяснения и объяснения „Отечественных записок“ началось таким образом. Я сказал два слова о неприличном молчании почтенного органа по вопросу о классическом и реальном образовании. Редакция „Отечественных записок“ не вынесла моего замечания и кратко заявила, отчего она *молчит*. В кратком заявлении редакция стремилась дать понять публике: *молчу* — де потому, что считаю всякие речи тщетными, а молчание полезным, и даже в некотором роде многознамена-

⁷ См.: Отечественные записки, 1872, № 9, отд. II, с. 48—74.

⁸ См.: С.-Петербургские ведомости, 1872, 19 августа, № 226 (курсив мой, — Г. Г.).

⁹ См.: Отечественные записки, 1872, № 9, отд. II, с. 52 (курсив мой, — Г. Г.).

¹⁰ См.: С.-Петербургские ведомости, 1872, 19 августа, № 226.

тельным. Но публика поняла совершенно ясно, что это вздор и что *молчание* в данном случае обуславливалось вовсе не многознаменательностью и полезностью его; редакции просто нечего было сказать... Новый принцип полезности молчания в печати прибавил еще один лавр в венке редакции».¹¹

Полемика Буренина—Михайловского развернулась после критического анализа либерального направления в русской общественно-литературной жизни, сделанного Михайловским. Сопоставляя программы русского и европейского либерализма, он доказывал невозможность в России в данный исторический период «цельности» и «ясности» либеральной программы. Касаясь ряда выступлений «С.-Петербургских ведомостей» («цвета и красы либерализма»), критик отмечал «несвободу» отношения газеты к фактам и их трактовке и, главное, неопределенность ее *направленности*.¹² «... отсутствие какой бы то ни было цельной теоретической подкладки заставляет ее (газету, — Г. Г.) качаться из стороны в сторону и мешает ей свободно относиться к явлениям русской и европейской жизни. Она оказывается сборным пунктом всех эмансипированных от ясно сознанных принципов, что и подтверждается примерами».¹³ С ответа на этот тезис Михайловского (присутствующий уже в первом выступлении критика)¹⁴ открывается полемика: «У нас возможны пока только два направления, и то в самых общих чертах: так называемое консервативное, с значительной примесью ретроградства и обскурантизма, и просветительское, либеральное <...> И кому, спрашивается, известно направление „Отечественных записок“? По какому вопросу высказались они настолько определенно, чтоб можно было назвать их цвет?»¹⁵ В № 144 «С.-Петербургских ведомостей» (от 27 мая) выступил Буренин: «<...> г-н Михайловский не публицист и не философ, он еще только журнальный ученик <...> Считать себя крупным представителем и выразителем известного направления может только разве сам же г-н Михайловский». В этом же фельетоне Буренина давалась резко отрицательная характеристика Н. А. Демерта, Н. Курочкина и других, заключавшаяся словами: «Спрашиваем теперь еще раз: когда, где, в каких трудах эти уважаемые литераторы обнаружили себя представителями *определенного направления*, столь серьезного и глубокого, что можно заподозрить его в неудобстве для русского неразвитого общества и в годности разве только для Европы, *направления столь опас-*

¹¹ См.: С.-Петербургские ведомости, 1872, 27 мая, № 144, с. 1 (курсив мой, — Г. Г.).

¹² Ср. в «Подписью „одного лица“»: «Всего более удивляет меня, что я никак не мог, даже из двадцати восьми его писем, открыть, какого он направления» (XI, 63).

¹³ См.: Отечественные записки, 1872, № 6, отд. II, с. 316.

¹⁴ См. там же, № 5, отд. II, с. 61—75.

¹⁵ См.: С.-Петербургские ведомости, 1872, 21 мая, № 138, с. 1 (курсив мой, — Г. Г.).

ного, что за него можно будто бы подвергнуться неприятным пожеланиям об удалении в страны, неведомые даже телятам Макара?»

В первом фельетоне Буренина ведущий критик «Отечественных записок» называется «журнальным учеником», юным литературным деятелем, статьи которого больше выходят «в печать», чем «в свет». Михайловский — по определению Буренина — «не публицист» и «не философ», а всего лишь — «неопытный любознатель».¹⁶ В «Литературных и журнальных заметках», последовавших за статьями «С.-Петербургских ведомостей», не касаясь личности Буренина (и ни разу не называя его имени), Михайловский вновь излагает свою аргументацию несостоятельности либерализма.¹⁷ Буренин в ответном фельетоне, уходя от вопросов, поставленных «Отечественными записками», продолжает нападки на Михайловского и других сотрудников журнала. По мнению Буренина, Н. А. Демерт «действует оружием глухой и двусмысленной клеветы»; Г. З. Елисеевым руководит чувство «огорченного самолюбия»; М. Е. Щедрин «вздор выдает за глубину мысли». О Михайловском же Буренин пишет: «Я убедился, что юный ум г-на Михайловского столь же хорош в философии, сколько в полемических фельетонах. Какими левиными приемами руководится г-н Михайловский в полемике! Он то притворяется, что он взрослый, которого мальчики (т. е. я и «СПб. вед.», читатель) треплют за фалды, то заявляет, что он сам мальчик, шаловливо кидающий камешки в болото и распугивающий в оном лягушек (т. е. опять-таки сотрудников «СПб. ведомостей»)».¹⁸

Почти через все фельетоны Буренина проходит мотив «разоблачения», «обнажения»¹⁹ «Отечественных записок» перед публикой: «... уязвленные „Отечественные записки“ вышли из себя и начали обнаруживать свою сущность, начали постепенно сбрасывать с себя занятые ими с чужого плеча одежды и украшения и выступать постепенно такими, какие они есть на самом деле. И посмотрите — предсказываю это заранее — я, скромная фельетонная муха, доведу их до того, что они разоблачатся перед публикою совершенно, и тогда все увидят воочию, что под заимствованными костюмами таится дряхлая развалина выдыхающегося радикализма».²⁰ Эта же тема развивалась Бурениным и в фельетоне от 24 июня: «Я недаром сделал предсказание, что „Отечест-

¹⁶ См.: там же, № 144, с. 1—2.

¹⁷ См.: Отечественные записки, 1872, № 6, отд. II, с. 314—320.

¹⁸ См.: С.-Петербургские ведомости, 1872, 24 июня, № 170, с. 1—2.

¹⁹ Ср. в «Подписью „одного лица“»: «Представлю тебе аллегорию. Ты вдруг публикуешь в афишке, что на будущей неделе в четверг или в пятницу (словом, представь себе день, в который пишешь свои фельетоны) в театре Верга или в особо устроенном для того помещении будешь показывать себя пагипом и даже в совершенной подробности» (XI, 66).

²⁰ См.: С.-Петербургские ведомости, 1872, 27 мая, № 144, с. 1.

венные записки" должны разоблачиться в полемике с „С.-Петербургскими ведомостями“; почтенный орган молчаливых постепенно лишается различных частей костюма, прикрывающего его сущность, и с каждой новой книжкой обнаруживает более и более срамоту наготы своей. Разоблачение это производится рукою собственных „непочтительных“ Хамов этого престарелого Ноя отечественной журналистики. Испочтительные Хамы занимаются делом разоблачения с грубым и диким удовольствием, как будто совершают нечто очень хорошее; судя по их пачальному усердию, они в непродолжительном времени откроют перед публикой дряхлого старца вполне...»²¹

После этих фельетонов этическая сторона выступлений Буренина становится главным предметом внимания Михайловского. Критик объясняет причину «ополчения» Буренина против «Отечественных записок» — остракизм, которому он подвергся со стороны редакции журнала: «... вам была возвращена из редакции „Отечественных записок“ ваша довольно объемистая рукопись (я надеюсь прочитав ее в „Вестнике Европы“). Это случилось с вами не в первый раз. Но тут возвращение манускрипта сопровождалось таким обстоятельством, что вы ясно поняли, что дело кончено». ²² Одновременно Михайловский вскрывает беспринципность Буренина в его полемике со Щедриным, Елисеевым и другими сотрудниками «Отечественных записок», показывая, что автор «С.-Петербургских ведомостей» «об одной и той же статье одиозно и того же автора, рассматривая ее с одной и той же стороны, с одинаково развязностью» выражает «два диаметрально противоположные мнения». ²³

Вслед за этим выступлением Михайловского последовал наиболее «развязный» фельетон Буренина, в котором изложение краткой биографии Михайловского сопровождалось попыткой доказать несостоятельность литературно-публицистических выступлений критика. ²⁴ «Говоря серьезно, — писал Буренин, обращаясь к Михайловскому, — я, конечно, мог бы на основании вашей последней статьи доказать если не вам, то публике, что вы действительно несколько тронулись. Что это за статья, мой бог! Это не полемика — это истерика <...> И притом это бред куриной души, уязвленной в ее куриных притязаниях на великое значение русской журналистики. Каких „полемических красот“ не отыщется в этой истерической полемике? Тут и брань, достойная слесарши

²¹ См.: С.-Петербургские ведомости, 1872, 24 июня, № 170, с. 1 (курсив мой, — Г. Г.).

²² См.: Отечественные записки, 1872, № 7, отд. II, с. 180.

²³ Там же, с. 181.

²⁴ Ср. в «Полписьме „одного лица“»: «Ты <...> бранишься всеми словами разом, — худой прием! Именно за поземением убеждений и настоящей учености, ты стараешься более вникнуть в частную жизнь своего соперника; с жадностью узнаешь проступки его, искажаешь их и предаешь их благодетельной гласности...» (XI, 65).

Поплепкиной, тут и грязненькие, клеветнические и сплетнические намеки, достойные г-на Демерта; тут и автобиографическое хвастовство литературной посредственности, задыхающейся от желания придать себе значение, которого она никогда не имела и иметь не может, тут и затаенные слезы „униженного и оскорбленного“ писани, разжалованного из мудрых философов в скромные обозреватели, тут и шутовские, тщетно притягиваемые за уши, лирические излияния о „борьбе“ и не менее шутовские приглашения о совершенном якобы торжестве над противником, тут, наконец, в виде общего фона статьи, — скудоумие и скудоумие, разливающееся обильными волнами, в которых барахтается и захлебывается сам автор истерической полемики <...> Скажите, г-н Михайловский, хорошо ли вы себя чувствуете? Думаете ли вы теперь, что раздавили меня, как клопа? Что брызжет теперь, по прочтении вами этого фельетона, — моя ли „клопина кровь“ или слезы бессильной ярости, исторгающиеся из вашей нежной души, воспитанной на чтении „L'amiou“ Мишле?» ²⁵ В этом же фельетоне Буренина и следующие строки: «Я отсюда вижу, как г-н Михайловский, то краснея, то бледнея, с замирающим от страха и тоски сердцем пробежал сейчас изложенное вступление <...> Он в отчаянии хватается себя за волосы, и в его голове пробегает ужасная для него мысль: „Боже мой, этот Z хочет сделать меня сумасшедшим перед публикою“ <...> Успокойтесь, взволнованный г-н Михайловский, успокойтесь! <...> я пошутил...» ²⁶

В созданной им антикритике Достоевский использует метод самодискредитации героя-двойника: Буренин, послуживший главным источником образа «одного лица», — против Буренина.

²⁵ С.-Петербургские ведомости, 1872, 29 июля, № 205, с. 1.

²⁶ Ср. в «Полписьме „одного лица“»: «Обругав соперника, ты заключаешь свой фельетон словами: „Вижу вас, господин NN, как вы, прочитав эти строки, бегаеете вне себя по комнате, рвете ваши полосы, кричите на вбежавшую в испуге жену свою, гоните прочь детей и, скрежеща зубами, колотите в стену кулаком от бессильного бешепства“» (XI, 65—66).